

Lorenzo Chiesa, *The Not-Two: Logic and God in Lacan*

Cambridge, MA: MIT Press, 2016, 251 pp., ISBN 9780262529037

Валерия Левчук

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Книга Лоренцо Кьезы «Не-два: логика и Бог у Лакана [*The Not-Two: Logic and God in Lacan*]» построена вокруг основательной попытки раскрыть ключевую теоретическую аксиому Лакана «сексуальных отношений не существует», с учетом ее онтологических, антропологических и практических следствий. Следуя Лакану, Кьеза утверждает, что основа нашей лингвистической субъективности заключена в невозможности установить симметричные отношения между полами. Не-существование сексуальных отношений тем не менее не мешает существовать сексуализированным связям, поддерживаемым трансцендентальной логикой фаллической функции, причем последняя нацелена на одновременное сокрытие и поддержание этой изначальной невозможности. Все наши лингвистические репрезентации и то воображаемое поле, которое они вызывают к жизни, зависят от логического тупика, состоящего в невозможности равноправного вписывания обоих полов в символическое. «Не-два» пола — мужской, чья сексуация, то есть конституирование пола, основана на видимости Одного, и женский, лишь частично существующий в рамках логики сексуации, — это узловым теоретическим пунктом, позволяющим проследить возникновение и устройство любой потенциальной символической и воображаемой структуры. Чтобы сделать это, Кьеза обращается к так называемой «гипотезе Бога», заимствованной из позднего Лакана. «Гипотеза Бога», утверждает он, — это тот способ, которым изначальный тупик (невозможность симметричной символизации полов) презентован внутри всякой лингвистической структуры.

Следуя этой линии рассуждений, Кьеза ставит три основных вопроса, которые очерчивают поле исследования данной книги. Первый из них подробно рассматривается на протяжении всего текста, тогда как остальные два открывают пространство для дальнейших исследований:

(1) Первый вопрос затрагивает основные законы фаллической функции и трансцендентальной логики сексуации, которая отходит от традиционной логики. Лакан использует фаллическую функцию для перевода фрейдовского эдипова комплекса в логические термины. Для Лакана важным представляется то, как именно фаллическая функция порождает видимость Одного, компенсирующую несуществование сексуальных отношений и становящуюся основой лингвистической сексуации/субъективации.

(2) Второе по счету вопрошание затрагивает природу Одного. Можем ли мы иметь аутентичного Одного или же он есть только структурный эффект видимости, скрывающей тот самый тупик, который ее порождает?

(3) И наконец, не-существование сексуальных отношений — сформулированное в онтологических терминах как истина *неполноты* — представляет собой затруднение, с которым должна неизбежно столкнуться любая философская теоретическая инициатива, укорененная в лакановском начинании. Возможно ли при утверждении истины неполноты избежать ее превращения в очередную «истину об истине» и тем самым неизбежного коллапса в области воображаемой целостности?

Несмотря на известный отказ Лакана от создания очередной онтологии — онтологии, которая могла бы быть основана на вопросах неполноты языка и размышлениях об инстанции Одного, — Кьеца все же предполагает возможность аккуратной разработки новых перспектив, открытых лакановским мышлением, на онтологической поверхности. Более того, работа, которую проделывает Кьеца в рамках настоящей книги, располагается на междисциплинарной территории. Кросс-дисциплинарная позиция оправдана попыткой открыто обозначить и ответить на вопросы, проистекающие из внимательного чтения Лакана, в первую очередь для философского мышления. Таким образом, книга открывает целый горизонт онтологических, антропологических и логико-теоретических разработок, коррелятивных современным дебатам в логике, физике, биологии и нейронауке. Кроме того, работа Кьецы располагается в одном ряду с другими значимыми теоретическими предприятиями по созданию новых онтологий с точки зрения «психоаналитически грамотной философии» (Эдриан Джонстон, Славой Жижек) (Chiesa 2016: XVIII).

В первой главе Кьеца рассматривает связь между сексуальным различием и «гипотезой Бога», которая вводится Лаканом в XX Семинаре. Процесс сексуации/субъективации, становящийся результатом отсутствия сексуальных отношений, — это усложненный способ, посредством которого говорящие существа «справляются» с отсутствием единого способа установления симметричных и прозрачных

отношений между полами внутри порядка языка. Этот процесс формирует два типа лингвистической субъективации, в некоторой степени позволяющие говорящим существам преодолеть исходное логическое затруднение: мужской и женский. Оба пола не соотносятся друг с другом напрямую, связь между ними опосредована фаллической функцией. Тем самым фаллическая функция — это трансцендентальная функция, которая допускает сексуированные связи и позволяет воспроизводству вида иметь место благодаря фигуре Одного. Мужская и женская позиции по-разному сориентированы в отношении Одного, воображаемой иллюзии тотальности, возникающей на месте несуществующего слияния. Мужская сексуация характеризуется колебанием между желанием Одного и невозможностью его исчерпывающей тотализации, тогда как женская не полностью подчинена фаллической функции и наряду с этим занимает парадоксальную позицию вне символического (не-Одно). Следовательно, вопрос состоит в том, как именно мужчины и женщины в конечном итоге приходят к согласию с фундаментальной неконсистентностью символического порядка, которая первоначально возникает из невозможности обоюдной и взаимодополняющей символизации полов.

Особенно интересной в данной главе представляется полемика Къезы с распространенным ошибочным прочтением XX Семинара, которое предлагает понимать женщину как Другой пол. Согласно Къезе, именно в этом и заключается структурный «заскок» мужской сексуации: ее субъект стремится свести женщину к Одному (то есть к Другому полу), что ему, однако, никогда не удается, поскольку женщина лишь частично располагается в пределах фаллической функции. Исходная невозможность представить женщину в качестве Одного, а именно не-существование Другого пола, приводит к появлению фигуры Бога, которая является не чем иным, как именем для неконсистентности символического порядка — колебанием между попыткой тотализации, возведения отсутствующего Другого пола к Одному и непрекращающейся неудачей этого процесса.

Вторая глава по большей части посвящена весьма увлекательному взаимодействию с естественными науками и обсуждает потенциальные биологические предпосылки лакановского психоанализа. В этой главе Къеза делает попытку развить лакановскую теорию, более подробно обсуждая тот самый логический тупик, на котором основана логика сексуации/субъективации. Сложный вопрос, рассматривающийся здесь, состоит в следующем: должны ли секс и сексуальное различие в психоанализе пониматься единственно как лингвистические структуры, полностью отрицающие все биологические условия, или же они по-прежнему сохраняют некоторую связь с биологической материей? И если это так, то как возможно позитивное понимание материи внутри языка? Следуя Лакану, Къеза

утверждает, что секс и сексуальное различие как таковые не даны говорящему существу непосредственно. Напротив, речь идет об их формировании задним числом. В отличие от естественных наук, которые зачастую описывают пол как данность и, более того, рассматривают оба пола как изначально комплементарные по отношению друг к другу, лакановский психоанализ показывает, что индифферентность простой анатомической «маленькой разницы» между полами представляется ребенку логическим тупиком, из которого ретроактивно возникает сексуальное различие, а именно «Два» (то есть два пола). Однако последнее ведет к очередному преткновению ввиду невозможности исчерпывающей символической репрезентации второго пола, о которой было сказано выше.

Согласно Лакану, все понятия естественных наук по-прежнему расположены в воображаемой сфере, оживляющей фантазм копуляции под видом гармонического слияния двух взаимодополняющих частей. Более того, природа представляется как нечто, всегда-уже имевшее место и существовавшее определенным образом независимо от человеческого познания. Аргумент Лакана усложняет данное положение двояким образом: для Лакана дискурс не имеет следствий в природе, а это означает, что последняя в себе полностью *индифферентна* к символическому. Но в то же время, согласно Лакану, существует такая вещь, как «*дискурсивная природа*», то есть ретроактивно сформированное символическое и воображаемое представление об изначальной анатомической данности, которая схватывается как всегда-уже имевшее место два пола.

Таким образом, следуя Лакану, Кьеца ставит ключевой в этом отношении вопрос: каким образом природа — безразличная в себе к любому порядку сигнификации и к символическому как таковому — может тем не менее быть понята как нечто, что производит символическое и, следовательно, сексуальное различие? В этой связи Кьеца вступает в убедительную полемику со Славоем Жижекком и Эдрианом Джонстоном — авторами, также затрагивающими вопрос о возникновении символического в рамках своих онтологических проектов, нацеленных на дальнейшую разработку теории Лакана. Отталкиваясь от общей критики философии у Квентина Мейясу и его весьма проблематичной идеи науки, способной производить факты, предшествующие символическому порядку, оба предлагают иной способ позитивного схватывания до-символического, предположительно порождающего сферу различия. Согласно Кьеце, посредством своего понятия изначальной негативности Жижек утверждает в результате нечто вроде негативного витализма «Реального», тогда как Джонстон осуществляет проекцию неконсистентности символического на «природу как таковую» и мыслит ее в качестве неконсистентной в себе, используя гегелевское понятие «слабой природы». Для Кьецы главная проблема состоит в том, что ни Жижекку, ни Джон-

стону в конечном итоге не удастся помыслить до-символическое как фундаментально *безразличное* по отношению к порядку символического и тем самым абсолютно *контингентное*. Поэтому Кьеца предлагает мыслить до-символическое анатомической «маленькой разницы» как, прежде всего, абсолютно индифферентное к сексуальному различию, известному нам в пределах нашей внутриязыковой позиции.

Этот тезис требует прояснения «гипотезы Бога» в качестве того, что представляет изначальную неполноту символического порядка на феноменологическом уровне и образует неразрешимое противоречие между Одним и не-Одним. Для Кьеца принципиальным представляется не-решение между истиной неполноты (Одно) и контингентностью и неконсистентностью «естественных» условий, формирующих символическое, которые мы в принципе не в состоянии постичь (не-Одно или загражденное реальное в лакановской «азбуке»). Речь идет о том, чтобы не совершать выбор между Богом как Одним, который представляется неизбежной видимостью, производной всякой структуры, и Богом-обманщиком Декарта: божественным воплощением перечеркнутого реального как такового. Кьеца предлагает промежуточную позицию между критической правдой о неполноте всякой лингвистической структуры (которая может быть лишь полу-выговорена¹) и неконсистентностью как таковой. В рамках его параонтологического проекта именно этот зазор в конечном итоге открывает пространство свободы. Кьеца говорит об осуществлении истины неполноты внутри практического и политического измерения как «истинной истины», в противовес утверждению того же самого в виде онтологической позиции, тут же порождающей металингвистическое утверждение, ведущее к иллюкутивному самоубийству. В то же время действие в практическом измерении должно совершаться, как если бы Бог-обманщик, изначальная неконсистентность символического порядка, не имел места.

В третьей главе Кьеца разбирает комплексное отношение между лакановским психоанализом и логикой. Он утверждает, что Лакан разрабатывает логику сексуации в качестве способа формализовать загражденное реальное, то есть саму невозможность символизации пола, основывающую порядок языка. Структурная неполнота символического вводит диалектику истины и видимости, которую как раз и представляет собой фаллическая функция.

¹ «Я всегда говорю истинную правду. Не всю, потому что сказать всю правду — дело безнадежное. Высказать истину целиком просто невозможно, невозможно в чисто материальном смысле — для этого не хватает слов. Больше того, самим этим “невозможно” и обусловлена как раз зависимость истины от Реального» (Лакан 2000: 6).

В противоположность большинству других дискурсов, рассматривающих истину как нечто скрытое или же искаженное видимостью, лакановский психоанализ, согласно Къезе, скорее раскрывает и (используя логику) формализует связь между истиной и видимостью в качестве диалектической.

В четвертой главе Къеза внимательно разбирает формулы сексуации из XX Семинара. Целью этого детального анализа представляется демонстрация того, как именно функционируют сексуированные связи, вопреки логическому тупику случайной биологической предпосылки, на котором они основаны.

В заключительной части книги Къеза исследует превосходство числа как предельной истины структуры над логической записью формул сексуации. Если конечной истиной структуры представляется колебание между Одним и не-Одним, между абсолютной истиной неполноты и загражденным реальным как таковым, то решение располагается для Къезы в практической и политической сферах. Здесь он повторяет свой тезис: для параонтологического проекта в первую очередь принципиально отсутствие выбора между двумя альтернативами, поскольку каждая из них, по всей видимости, влечет за собой в высшей степени спорную онтологическую позицию (будь то утверждение абсолютной *истины неполноты* или же сохранение структурной неконсистентности в форме *злонамеренной божественной сущности*). В качестве ответа на данную дилемму Къеза предлагает практическое и этическое осуществление истины неполноты в качестве «истинной истины» и — на онтологическом уровне — одновременное удержание обеих описанных альтернатив в отсутствие окончательного решения в пользу одной из них.

Книга Къезы занимает очень важное место в ряду современных философских разработок лакановской теории. Это строгая и основательная теоретическая работа, не только снабжающая нас одной из самых точных и внимательных трактовок логики сексуации у Лакана, но и, что не менее важно, показывающая, каким образом столь подробное прочтение темы пола и сексуального различия может пролить свет на самые важные философские и практические вопросы, происходящие из лакановской психоаналитической теории: вопрос пределов языка, вопрос формализации, вопрос связи психоанализа и науки, и т. п. Более того, несмотря на то, что «Недва» является в высшей степени изощренным философским текстом и разрабатывает онтологические вопросы, выходящие за пределы лакановской теории, он тем не менее преуспевает в том, чтобы убедительно и пронизательно исследовать базовые положения лакановской теории, касающиеся связи пола и языка. Анализ диалектики истины и видимости, прodelьываемый Къезой, представляет огромную ценность для установления теоретической

идентичности лакановского психоанализа, в особенности с учетом его весьма проблематичной позиции в рамках университета. И наконец, данное теоретическое предприятие открывает увлекательную и богатую перспективу для разработки практического и политического измерения психоанализа как философского проекта на годы вперед.